

К. Л. Брановицкий

ПРАВО БЫТЬ ВЫСЛУШАННЫМ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

международный гражданский процесс
на пороге перемен

СТАТУТ
МОСКВА 2025

УДК 341
ББК 67.9
Б87

Константин Леонидович Брановицкий — доктор юридических наук, магистр права (LL.M., Киль, ФРГ), представитель Уральской процессуальной школы (УрГЮУ), член Ассоциации международного гражданского процесса (Wissenschaftliche Vereinigung für Internationales Verfahrensrecht e.V.)

Брановицкий, Константин Леонидович.

Б87 Право быть выслушанным в цифровую эпоху: международный гражданский процесс на пороге перемен / К. Л. Брановицкий. — Москва : Статут, 2025. — 144 с.

ISBN 978-5-8354-2113-8 (в пер.)

Монография профессора К. Л. Брановицкого представляет собой первое в отечественной науке комплексное исследование принципа права быть выслушанным (*audiatur et altera pars*) в условиях цифровой трансформации правосудия и его влияния на международный гражданский процесс. На основе сравнительно-правового анализа российского, немецкого и других правовых порядков автор раскрывает фундаментальное противоречие современной эпохи: стремительная цифровизация национальных судебных систем сопровождается усилением неравенства иностранных участников в трансграничных спорах, порождая новую форму дискриминации — цифровую.

В эпоху, когда данные стали самым ценным ресурсом планеты, доступ к правосудию трансформируется в доступ к данным и цифровым платформам юстиции. Автор поднимает принципиально новые вопросы: какие данные имеют процессуальное значение? где они хранятся? каково их качество? кто обладает к ним доступом? Научная новизна исследования заключается в переосмыслении классической доктрины международного гражданского процесса через призму универсального принципа *audiatur et altera pars*, который способен обеспечить реальный доступ иностранных участников к цифровому правосудию. Работа содержит анализ практики ЕСПЧ, опыта ЕС и Гаагской конференции по международному частному праву, а также конкретные предложения по совершенствованию международного сотрудничества в сфере юстиции.

Издание адресовано ученым-процессуалистам, практикующим юристам, судьям, а также всем, кто интересуется проблемами цифровизации правосудия и защиты прав участников трансграничных споров в XXI веке.

УДК 341
ББК 67.9

ISBN 978-5-8354-2113-8

© К.Л. Брановицкий, 2025
© Редподготовка, оформление. Издательство «Статут», 2025

ОТ АВТОРА

Настоящая монография представляет собой результат комплексного научного исследования, посвященного трансформации фундаментальных процессуальных гарантий в условиях цифровизации международного гражданского процесса.

Концептуальные основания работы были заложены в период научной стажировки автора на юридическом факультете Университета Мартина Лютера в Галле-Виттенберге (Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Германия) в 2021–2023 годах. Изучение германской доктрины *rechtliches Gehör* в ее исторической ретроспективе и современном измерении, анализ правовых позиций Федерального конституционного суда Германии легли в основу компаративистской методологии настоящего исследования.

Автор выражает искреннюю благодарность профессору, доктору юридических наук Каролине Меллер-Ханних (Prof. Dr. Caroline Meller-Hannich), заведующей кафедрой гражданского процессуального права Университета Галле-Виттенберг, за ценные научные консультации по вопросам взаимодействия конституционных процессуальных гарантий с вызовами цифровой трансформации правосудия. Плодотворные научные дискуссии способствовали углублению понимания доктринальных оснований принципа *audiatur et altera pars* в континентальной правовой традиции.

Публикация данной монографии стала возможной благодаря поддержке юридической компании «Gavrin&Milton» (г. Екатеринбург), на протяжении многих лет демонстрирующей приверженность развитию правовой науки и укреплению связей между фундаментальными исследованиями и юридической практикой.

Автор особо признателен управляющим партнерам Д. А. Гаврину и К. В. Бочкареву, чье глубокое понимание проблематики трансграничных споров и международного арбитража позволило в полной мере осознать практическую значимость исследуемых вопросов. Их профессиональный интерес к проблемам цифрового неравенства в международном гражданском процессе, а также поддержка научного поиска сыграли важнейшую роль в реализации настоящего проекта.

Особую ценность представляет тот факт, что внимание ведущих представителей юридического сообщества к фундаментальным исследованиям свидетельствует о формировании в России зрелой правовой культуры, в которой теоретические разработки воспринимаются как необходимая основа для совершенствования правоприменения и повышения качества юридических услуг в сфере трансграничных частноправовых отношений.

Автор надеется, что данное исследование внесет вклад в развитие доктрины международного гражданского процесса — в частности, в формирование подходов к обеспечению равного доступа к цифровым форматам правосудия вне зависимости от юрисдикционной принадлежности участников процесса, а также в научное обоснование модернизации процессуального законодательства в условиях технологических трансформаций XXI века.

ВВЕДЕНИЕ

Принципы гражданского процессуального права и международного гражданского процесса с одной стороны и цифровизация правосудия — с другой, если на первый взгляд и не исключают друг друга, то по крайней мере вступают в сложные взаимоотношения.

Процессуальные принципы, эти фундаментальные начала судебного разбирательства, во многом воспринимаются как нечто абстрактное. Для студентов-юристов это сложные и далекие от практики теоретические конструкции, для адвокатов — инструменты, к которым они прибегают в крайнем случае при обжаловании невыгодного решения. Некоторые судьи и вовсе относятся к ним с долей скепсиса, порой прерывая выступающих и требуя «говорить по существу». Но насколько современный гражданский процесс зависит от этих принципов? Должны ли они подстраиваться под реалии цифровизации, или существуют границы, которые, например, даже законодатель не может переступить?

Пытаясь ответить на этот вопрос, невольно задумываешься о сути гражданского судопроизводства в XXI в. Является ли сам процесс, «порядок осуществления правосудия по гражданским делам», ценностью для общества, или же он лишь средство для достижения результата? С точки зрения уголовного права государство в XXI в., как и прежде, охраняет общественные интересы, защищая граждан от преступных посягательств, включая киберпреступления. Уголовный процесс, несмотря на частичную цифровизацию, сохраняет свою основную функцию — обеспечивает справедливое разбирательство, защиту прав потерпевших и обвиняемых. Гражданское право, регулируя отношения на принципах равенства, свободы договора и неприкосновенности собственности, адаптируется к новым технологиям, предусматривая нормы о цифровых валютах и цифровых правах в кодексах.

Однако в науке гражданского процесса все чаще высказывается мысль о том, что суд может разрешить дело в день подачи иска, а далеко идущая цифровизация позволяет сделать правосудие еще более быстрым и «эффективным». Искусственный интеллект может уже сегодня гораздо быстрее и не хуже среднестатистического судьи вынести итоговое решение по делу, основываясь на письменных позициях сторон

(все больше разбирательств проводятся в письменном формате благодаря расширению применения упрощенного производства) и опираясь на миллионы рассмотренных ранее судебных дел, при условии соответствующего предварительного качественного обучения. При этом если в уголовном процессе автоматизация ограничивается этическими (неправовыми) барьерами, такими как милосердие, социальный опыт, эмпатия, то в гражданских спорах этих ограничителей почти нет. Порядок осуществления правосудия при рассмотрении гражданских споров, в том числе о нарушениях сроков оплаты, о поставке некачественной продукции или об исполнении договорных обязательств, не требует эмпатии и, на первый взгляд, обречен на максимальное упрощение.

В этом контексте важно обратиться к теории Никласа Лумана, который рассматривал право как автономную самовоспроизводящуюся систему, цементирующую устойчивость общества¹. Согласно его концепции порядок судебного разбирательства не только обеспечивает разрешение споров, но и формирует предсказуемость социального взаимодействия. Монополия права на установление процессуального порядка всегда основывалась на принципах состязательности, равноправия и права быть заслушанным, а не на максиме «упростить все и вся».

Именно благодаря этим фундаментальным принципам гражданского процесса происходит легитимация не только решений суда, но и права в целом. Проигравшая сторона принимает решение не потому, что оно вынесено конкретным судьей или именем народа или государства, а потому, что стороне были известны заранее принципы осуществления правосудия по гражданским делам (базовые договоренности социума и государства), которые были соблюдены судом и всеми участниками процесса во время совместного поиска справедливого решения по делу.

Одним из таких принципов является право быть заслушанным судом (лат. *audiatur et altera pars*). Его основная задача — не допустить превращения участников в пассивных наблюдателей, которым остается дожидаться заранее известного судьей итогового решения по своему делу. Если судьей заранее известен исход дела, если стороны не имеют никакой возможности повлиять на ход судебного разбирательства, можно ли говорить о правосудии по гражданским делам? В действующей процессуальной парадигме, т. е. без разработанной доктрины права быть заслушанным, упрощенное производство там, где от сторон

¹ Подробнее см.: *Luhmann N. Das Recht der Gesellschaft. Frankfurt am Main, 1993.*

не зависит ровным счетом ничего или почти ничего (переход от стадии к стадии привязан исключительно к истечению сроков), вполне основано на равноправии и состязательности сторон. При этом дело не столько в слабости принципов равноправия и состязательности (ст. 123 Конституции РФ), которые, по мнению Конституционного Суда РФ, требуют еще и балансировки, а точнее, фактически ограничиваются нигде не закрепленным принципом процессуальной экономии. Скорее, проблема заключается в постепенном размывании основ права в целом и гражданского процесса в частности под натиском прогресса, прежде всего из-за развития искусственного интеллекта.

На наш взгляд, в ситуации, когда принципы равноправия и состязательности уже не способны сдерживать стремление к упрощению и ускорению судебных процедур, нужны новые правовые инструменты, которые установят границы допустимого. В первую очередь необходимо найти и обосновать правовые принципы (помимо эмпатии, справедливости, социального опыта и т. п.), которые, с одной стороны, позволят четко определить допустимые границы проникновения технологий в право, а с другой — ограничат законодателя в его стремлении упростить, ускорить и удешевить правосудие.

Достаточно вспомнить отечественные дискуссии о «процессуальной революции» 2018 г., которые показали, что реформа была остановлена прежде всего благодаря консолидации научного и практического юридического сообщества, единым фронтом выступившего против далеко идущих планов реформаторов. Однако повторить такую консолидацию затруднительно, да и вряд ли целесообразно. Оптимальное решение — искать точку опоры внутри самого права.

В итоге главной целью настоящей монографии является выход за рамки национальной проблематики и поиск точки опоры — универсального правового фундамента, который позволит всем государствам эффективно сотрудничать в сфере цифрового правосудия. Активно продвигаемые на национальном уровне инициативы в области цифровизации судебного разбирательства зачастую не учитывают его трансграничный аспект: электронное вручение судебных извещений за рубежом, дистанционный допрос свидетелей, проведение онлайн-заседаний с участием иностранных сторон. Более того, даже техническая возможность обеспечить доступ иностранных участников к цифровым сервисам правосудия может оказаться серьезной проблемой.

Де-юре иностранные участники процесса обладают теми же правами, что и национальные, но де-факто они могут быть лишены доступа ко всем цифровым возможностям. Даже если такой доступ

формально открыт, это еще не означает, что обеспечена ключевая процессуальная гарантия — право быть выслушанным. В науке международного гражданского процесса сложился подход, согласно которому государство обязано гарантировать иностранным участникам право на судебную защиту (нем. *Justizgewährungsanspruch*). Однако в условиях стремительного развития технологий и цифровизации правосудия эта гарантия уже не в полной мере соответствует требованиям к обеспечению доступного и эффективного правосудия в трансграничных спорах. Достаточно упомянуть, что такой подход допускает, например, фиктивную доставку судебных извещений иностранному ответчику, длительные сроки рассмотрения доказательств за границей или их фактическую недоступность. В совокупности эти факторы создают правовую неопределенность, увеличивают временные и финансовые издержки участников процесса и снижают доверие к механизму судебной защиты.

Кроме того, возникает парадоксальная ситуация: высокоскоростной «экспресс» цифрового правосудия, обеспечивающий мгновенное электронное извещение посредством СМС или через личный кабинет, онлайн-доступ к материалам дела, дистанционные заседания и полный электронный документооборот, вынужден резко сбавлять скорость до уровня дрезины с ручным приводом, как только в деле появляется иностранный участник. В таких случаях процесс откатывается к бумажному документообороту, пересылке судебных извещений через центральные органы и искусственно затянутым срокам разбирательства. Подобное положение вещей в XXI в. не только выглядит архаичным, но и подрывает принципы справедливого и эффективного правосудия.

Развитие доктрины права быть выслушанным и ее распространение на международный гражданский процесс позволит по-новому взглянуть на проблему цифрового неравенства и повысить уровень правовой защищенности иностранных участников в трансграничных спорах.

ГЛАВА I

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Низкий уровень цифровизации международного гражданского процесса при рассмотрении трансграничных споров

Цифровизация общества и государства (его институтов) сегодня стала если не обыденным явлением, то уже прочно утвердившимся элементом эффективного управления в широком смысле этого слова. Очень многие развитые и развивающиеся страны придают цифровизации большое значение. Цифровизация, в свою очередь, потребовала от большинства правовых порядков адаптировать классические правовые институты (заключение договора, доказательства, судебное заседание и т. д.) к цифровым средствам коммуникации (электронная почта, видео-конференц-связь и т. д.).

В гражданском процессе, с учетом того что процессуальные отношения требуют участия властного субъекта — суда, а сам метод регулирования по большей части императивен, цифровизация правосудия на национальном уровне происходит при активной роли государств. Судебная власть, будучи одним из элементов системы разделения властей, означает необходимость решения вопросов, в том числе цифровизации, с учетом доктрины суверенитета. Государства не могут позволить сторонам или международным организациям произвольно менять правила рассмотрения дела и особенно осторожны в регулировании трансграничных дел, в том числе в сфере цифрового правосудия.

Классическим подходом к регулированию трансграничных дел стало заключение соглашений о правовой помощи или по вопросам признания и приведения в исполнение иностранных решений. Наибольшее количество многосторонних соглашений в данной сфере было подготовлено в рамках Гаагской конференции по международному

частному праву¹. Следует подчеркнуть, что все действующие крупные международные соглашения процессуального характера вообще не предусматривают возможностей трансграничной цифровизации процедур и коммуникации между судами и сторонами или между судами различных государств. *Цифровизации правосудия сегодня уготовлена участь развиваться в первую очередь на внутринациональном уровне государств — участников этих международных соглашений*².

Необходимость начать адаптировать классическое регулирование к цифровой реальности привела к принятию Гаагской конференцией в 2019 г. мандата на создание международной электронной платформы для оптимизации работы Конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам 1965 г. и Конвенции о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам 1970 г.

Обобщая сказанное, можно отметить, что решение вопросов цифрового взаимодействия судов различных правовых порядков государства по-прежнему стремятся оставить за собой, предпочитая решать их *lex fori*. В классическом международном гражданском процессе пока нет нового постоянного раздела *E-Justice*, в отличие от национальных доктрин / учебников гражданского процесса, которые вне сферы электронного правосудия трудно себе представить³.

В настоящем исследовании будет предпринята попытка найти в доктрине гражданского процесса «точку опоры» для старта трансграничного цифрового взаимодействия между судами различных государств и участниками разбирательства.

¹ Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам 2019 г., Конвенция о соглашениях о выборе суда 2005 г., Конвенция о международном доступе к правосудию 1980 г., Конвенция о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам 1970 г., Конвенция по вопросам гражданского процесса 1954 г. и т. д.

² Некоторым особняком здесь стоит лишь внесудебная медиация. В действующих международных соглашениях в этой сфере трансграничная цифровая коммуникация так или иначе предусматривается / признается. Более того, в преамбуле Конвенции ООН о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации 2018 г., прямо указывается необходимость создания стандартов для трансграничного приведения в исполнение международных мировых соглашений, достигнутых в результате медиации.

³ См.: Абсаямов А. В., Абушенко Д. Б., Брановицкий К. Л. и др. Арбитражный процесс: учеб. / отв. ред. В. В. Ярков. 8-е изд., перераб. и доп. М., 2021 (глава 8); Гражданский процесс: учеб. / отв. ред. В. В. Ярков. 12-е изд. М., 2022 (глава 11).

§ 2. Право быть выслушанным как базовый элемент цифрового взаимодействия государств

Право быть выслушанным судом — один из классических элементов (гарантий) международного, европейского и национального уровня. В некоторых правовых порядках эта гарантия является частью более общего понятия «право на судебную защиту» (ст. 46 Конституции РФ); в других она представляет собой самостоятельное конституционно гарантированное основное право человека (ст. 103 Основного закона ФРГ). В последнем случае право быть выслушанным, выступающее конституционным правом человека и сформулированное как право требования участника судопроизводства, является стержнем и ключевым принципом всего гражданского процесса, определяющим весь его ход.

В любом случае право быть выслушанным, понимаемое как субъективное право участников судопроизводства, можно рассматривать как тот самый элемент / принцип системы судебной защиты частных прав в конкретном правовом порядке, способный объединить довольно статичные принципы состязательности процесса и/или независимости судей и «вдохнуть жизнь» в эти принципы. Право быть выслушанным включает в себя право участников процесса быть информированными о ходе и содержании разбирательства, право на выражение своей позиции и обязанность суда учитывать мнение сторон при вынесении решения. Принцип обеспечения права быть выслушанным следует рассматривать как универсальный принцип, определяющий сущность справедливости, что предполагает необходимость его соблюдения независимо от нормативного закрепления в том или ином правовом порядке. При этом несмотря на универсальный характер права быть выслушанным, форма его реализации может зависеть от соответствующей процедуры / вида производства.

Сами по себе принципы равенства сторон и независимости суда не могут и не должны гарантировать вынесение окончательного и справедливого решения. Право быть выслушанным — именно тот связующий элемент в правоотношениях между судом и сторонами процесса, с помощью которого достигается цель правосудия, а стороны разбирательства превращаются из объектов в полноправных субъектов разбирательства. Более того, в отсутствие развитой доктрины права быть выслушанным сложно (если вообще возможно) представить себе действие этих принципов на практике.

В настоящей монографии основное внимание уделяется определению объема / содержания этой фундаментальной процессуальной

гарантии, в частности в контексте вопроса о том, влияет ли право быть выслушанным на цифровизацию правосудия в сущностном смысле и применима ли связь этого права и цифровизации к делам с иностранным элементом (трансграничным спорам). Как отмечалось ранее, государства, особенно вне Европейского союза (ЕС), проявляют осторожность при решении вопросов цифровизации в трансграничных делах, и каждое новое изменение давно сложившейся практики должно быть обосновано с догматической точки зрения. Необходимо учитывать существование различных процессуальных подходов в системах общего и континентального права, а также на уровне отдельных правопорядков.

В этом смысле цель исследования — аргументировать мнение о том, что доктрина *audiatur et altera pars*, рассматриваемая нами как универсальная процессуальная гарантия, может стать отправной точкой для того, чтобы обеспечить трансграничное цифровое взаимодействие между судами разных государств и сторонами трансграничных споров. Это, в свою очередь, позволит «открыть» иностранным участникам доступ к новым цифровым «национальным» возможностям правосудия.

§ 3. Выбор правопорядков для исследования

Выбор континентальной правовой традиции в качестве объекта исследования обусловлен прямым нормативным закреплением принципа *audiatur et altera pars* в отдельных правопорядках (в Германии, Швейцарии) и развитой доктриной процессуального права в этой части. Вместе с тем в монографии анализируется и опыт системы общего права в контексте особенностей доктрины *natural justice* с точки зрения наличия в ней возможных параллелей с *audiatur et altera pars*. В рамках континентальной правовой традиции для анализа была выбрана правовая система Германии, поскольку именно в ней доктрина *audiatur et altera pars* наиболее развита. При этом французская доктрина *droit d'être entendu* также рассматривается в разрезе толкования Европейским Судом по правам человека (ЕСПЧ) положений ст. 6 Европейской конвенции по правам человека 1950 г. (далее — Европейская конвенция).

Кроме того, выбор для анализа немецкого правопорядка обусловлен общими историческими корнями процессуальной и отчасти цивилистической доктрины, когда стремление интегрировать российскую науку в общеевропейский научный контекст играло

ключевую роль¹. При этом современная процессуальная российская доктрина (труды Е. В. Васьковского, А. П. Вершинина, А. Х. Гольстена, М. А. Гурвича, А. Г. Давтян) тоже во многом основывается на немецком учении в сфере гражданского процесса.

Текущее состояние законодательства и процессуальной догматики в сфере цифровизации правосудия в обеих странах дает возможность рассматривать их как представителей двух групп стран, которые, хотя и не находятся в антагонистических отношениях, демонстрируют существенные догматические различия. Сравнение этих правопорядков позволяет провести обзор как каждой группы в отдельности, так и их возможного взаимодействия. Ограничить анализ до определенной степени необходимо, поскольку определение значения *audiatur et altera pars* в контексте цифровизации национального гражданского процесса и международного гражданского процесса с учетом большого количества правопорядков было бы трудновыполнимой задачей.

Тот факт, что обе группы объективно движутся к цифровизации правосудия (каждая в своем темпе), исключает возможность рассматривать их как антагонистов. Процессуальная наука в странах обеих групп утверждает, что правосудие не может отставать от технологического прогресса. Основные различия кроются в процессуальных доктринах стран, представляющих ту или иную группу, что, с одной стороны, объясняет различие в темпах реформ и их «результатах», а с другой — помогает найти общий ориентир.

¹ Один из примеров — Русские семинары по римскому праву на юридическом факультете Берлинского университета, которые проводились в 1887–1896 гг. и в которых приняли участие 27 российских стипендиатов. Большинство из них вскоре после возвращения на родину стали ординарными профессорами в различных университетах Российской империи. И. А. Покровский, Л. И. Петражицкий, Д. Д. Grimm, А. С. Кривцов, Е. В. Пассек по праву стали классиками российской цивилистической науки, а их труды до сих пор сохраняют свое огромное значение для образования и науки. В 2008 г. авторитетное юридическое издательство «Статут» выпустило серию книг — сборников статей различных авторов под названием «Классики российской цивилистики», которая, среди прочего, включает работы некоторых из упомянутых профессоров. Подробнее см.: *Avenarius M.* Das russische Seminar (1887–1896) // *Zeitschrift für europäisches Privatrecht*. 1998. S. 893–908; *Maurer T.* «Abkommandiert» in die «akademische Freiheit». Russischer Professorennachwuchs in Deutschland im 19. Jahrhundert // *Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte*. 1995. Vol. 24. S. 63–104; *Kaiser F.* Altphilologen für Rußland: Das Lehrinstitut für slawische Stipendiaten in Petersburg, das russische Philologische Seminar (Institut) in Leipzig und das Russische Seminar für römisches Recht in Berlin // *Deutscher Einfluss auf Bildung und Wissenschaft im östlichen Europa* / hrsg. von F. Kaiser, B. Stasiewski. Köln; Wien, 1984. S. 69–115; *Kolbinger F.* Im Schleppeil Europas? Das russische Seminar für römisches Recht an der juristischen Fakultät der Universität Berlin in den Jahren 1887–1896. Frankfurt am Main, 2004.

Первая группа стран, к которой на текущем этапе развития относятся Россия и большинство постсоветских стран, характеризуется почти полным консенсусом между государством, судами и значительной частью научного сообщества относительно того, что цифровизацию / упрощение правосудия следует проводить на уровне обычного законодательства — путем внесения точечных изменений в процессуальные кодексы, причем практически в неограниченных масштабах¹. Другими словами, эти правовые порядки не воспринимают цифровизацию или упрощение как прямую угрозу основополагающим принципам судопроизводства. На наш взгляд, это может быть связано с тем, что доктрина *audiatur et altera pars* не разработана, либо с тем, что ограничение действия процессуальных принципов (в том числе конституционных!) ради процессуальной экономии считается в целом допустимым. В таких правовых порядках на второй план отходят и проблемы иностранных участников в трансграничных спорах из-за растущего разрыва между доступом к судебной защите в цифровом и традиционном смысле. Справедливости ради, подобное толкование приносит плоды в виде высоких мест, занимаемых страной в различных рейтингах (например, согласно отчетам Европейской комиссии по эффективности правосудия (ЕКЭП) о судебных системах, лидирующие позиции занимают Казахстан и Россия)². Страны этой группы не останавливаются на достигнутом и уже готовятся к следующему шагу — быстрому переходу к применению искусственного интеллекта.

В странах второй группы, наиболее ярким представителем которой является Германия, с догматической точки зрения глубоко проработаны процессуальные нормы и принципы, с которыми должны согласовываться любые изменения в обычном законодательстве, включая цифровизацию. Здесь также большее внимание уделяется защите данных и технической безопасности при использовании цифровых технологий в правосудии. Сам же гражданский процессуальный кодекс выступает в роли неформальной «процессуальной конституции», предусматривающей систему ценностей, которую законодатель не может

¹ Несвязанность законодателя основным законом или «общим благом», наряду с прочим, основывается на сверхпозитивизме в праве, берущем истоки в советской / социалистической правовой традиции.

² Соответствующие доклады Европейской комиссии по эффективности правосудия за 2020 и 2022 гг. см.: European Judicial Systems. CEPEJ Evaluation Report. 2020 Evaluation Cycle (2018 Data). URL: <https://rm.coe.int/rapport-evaluation-partie-1-francais/16809fc058> (дата обращения: 25.06.2025); European Judicial Systems. CEPEJ Evaluation Report. 2022 Evaluation Cycle (2020 Data). URL: <https://rm.coe.int/cepej-report-2020-22-e-web/1680a86279> (дата обращения: 25.06.2025).

изменить произвольно. Научная дискуссия в странах этой группы носит принципиально иной характер, чем в странах первой группы. Например, обсуждается то, как на процессуальных принципах сказалось внедрение информационных технологий, совместимы ли концепции процессуального права прошлого века с новыми реалиями и т. д. В итоге цифровизация правосудия здесь продвигается гораздо медленнее.

В этом контексте обзор правопорядков первой группы проливает свет на причины, по которым они занимают те или иные места в разных рейтингах. Первое место Казахстана или седьмое место России в рейтингах, подобных тем, что составляет ЕКЭП, имеет цену, выражающуюся не только в объемах финансовых ресурсов, выделяемых на модернизацию судебной системы, но и в «особом» отношении к основополагающим процессуальным принципам. Немаловажно и то, что российское и немецкое право, а также существующие в процессуальной доктрине подходы в определенной степени служат образцом для многих других правопорядков как в ЕС, так и за его пределами, а также для Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и стран постсоветского пространства. Обе правовые системы в значительной мере «экспортируют» право или хотя бы его элементы, правовые институты, правовые нормы и процессуально-правовые теории. Так, без преувеличения можно утверждать, что российская процессуальная доктрина до сих пор оказывает наибольшее влияние на многие постсоветские страны.

Несмотря на то что гражданское процессуальное законодательство постсоветских стран претерпело серьезные изменения, а некоторые советские атавизмы (например, надзорное производство или значительная роль прокурора в гражданском процессе) были устранены, большая часть процессуальных учебников и комментариев, терминология, темы дискуссий, направление и ход судебных реформ в значительной степени соответствуют российской процессуальной доктрине. Именно изучение российской процессуальной доктрины в таком контексте позволяет понять ход научных дебатов о цифровизации в соседних странах.

Сравнительный анализ российского и немецкого подходов, таким образом, не ограничивается этими правопорядками и имеет значение для научной дискуссии в целом. Выбор данных правовых систем позволяет обогатить процессуальную доктрину и исследовать точки соприкосновения в цифровизации международного гражданского процесса в рамках глобальной повестки. Это необходимо помнить, обсуждая судебное сотрудничество и открытие цифровых возможностей для иностранных участников трансграничных споров.